

ББК 60.508.0

С.Г. Максимова, Н.П. Гончарова, О.Е. Ноянзина

Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности*

S.G. Maximova, N.P. Goncharova, O.E. Noyanzina

Peculiarities of Risk-Perception in Structure of Estimation of Personal and Societal Security

Статья посвящена анализу особенностей восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности на основе различных показателей, таких как оценка и факторы угроз безопасности государства и региона, субъективная оценка собственной безопасности, субъективная оценка собственного риска и др. Показано, что оценку состояния защищенности от угроз, формирующихся на уровне личных восприятий, и анализ риск-рефлексии как критерия объективной оценки личной и социальной безопасности можно осуществлять на основе интегральных показателей личной безопасности, степени риска и воспроизводства риска. Авторами представлены результаты выборочного опроса населения шести регионов России.

Ключевые слова: риск, социальный риск, личная безопасность, социальная безопасность, восприятие риска, самооценка риска, самооценка безопасности.

Современное общество, наряду с материальными и духовными благами, систематически производит риски, угрожающие природе и человечеству, поэтому оно рискогенно по своей природе. Невозможность постоянной и адекватной рефлексии социальных субъектов по поводу собственной деятельности усиливает социальную неопределенность, что, в свою очередь, приводит к столкновению общества с последствиями рисков, с которыми оно не может справиться [1–3].

Обобщая приводимые в литературе определения, мы предлагаем считать риском потенциальную возможность ущерба для социальных и природных систем, обусловленную *объективными*, локализованными во внешней или внутренней среде источниками опасности и *субъективным* решением социального субъекта, характеризуемого той или иной степенью уязвимости. Такая трактовка, на наш взгляд, расширяет

The article is devoted to analysis of peculiarities of risk-perception in structure of estimation of personal and societal security basing on different indexes such as estimation of threats for state and region, subjective estimation of own risk and others. It is shown that the estimation of safety state from threats appearing on a base of personal perceptions and analysis of risk-reflection as criteria of objective evaluation of personal and societal security could be realized on a base of integral indexes of personal security, level of risk and risk reproduction. Results of selective survey in six regions of Russia are presented.

Key words: risk, social risk, personal security, societal security, self-estimation of risk, self-estimation of security.

смысловое поле концепта «риск» и указывает на его двойственную природу, проявляющуюся в социальной составляющей риска, т.е. в социальной среде обитания как источнике угроз, а также в поведенческой составляющей, т.е. в субъективной деятельности людей в условиях неопределенности [4].

Для анализа особенностей восприятия риска через оценку личной и социальной безопасности в исследовании использовались несколько показателей: оценка угроз безопасности государства, факторы угроз социальной безопасности, источники угроз социальной безопасности, оценка угроз безопасности региона, оценка распространенности социальных девиаций в регионе, субъективная оценка собственной безопасности, субъективная оценка собственного риска и др.

В настоящее время в рейтинге угроз безопасности Российского государства одну из ведущих позиций

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по государственным контрактам №02.740.11.0360 «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества», №14.740.11.0881 «Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения современной России», №16.740.11.0109 «Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии современных россиян: институциональный, социально-групповой и индивидуально-личностный уровни анализа».

занимают социально-экономические проблемы. Сильное расслоение общества на бедных и богатых, до сих пор актуализированное в сознании граждан, очевидно, породило клубок таких же острых проблем, способствовало моральной и нравственной деградации населения, о чем свидетельствует выделение угрозы распространения наркомании и алкоголизма, роста преступности и насилия [5–7]. Лидирующие позиции среди угроз безопасности государства занимают в оценках населения и проблемы социально-политического характера, такие как вооруженные конфликты на территории страны, угроза терроризма и экстремизма, распространение коррупции и организованной преступности. Отмечаются также проблемы демографического воспроизводства, обусловленные низкой продолжительностью жизни и высокой смертностью населения.

Согласно результатам исследования, проведенного в шести регионах России в 2010 г. (n = 4200 респондентов в возрасте 15–49 лет), выявлены региональные отличия в восприятии рассматриваемых угроз. Так, проблема распространения наркомании и алкоголизма стоит на первом месте в оценках жителей четырех из шести регионов – Алтайского края, Красноярского края, Новосибирской области, Ставропольского края; на втором месте – в Калининградской области и Республике Бурятия. Обратная ситуация наблюдается с проблемой коррупции и организованной преступности, которая в Калининградской области и Республике Бурятия занимает первую позицию, тогда как в оценках населения Алтайского, Красноярского, Ставропольского краев и Новосибирской области эта угроза находится на втором месте.

Следующей по значимости угрозой, актуализированной в оценках населения четырех из шести регионов (Ставропольского и Алтайского краев, Республики Бурятия и Калининградской области), является проблема распространения терроризма и экстремизма. Возможно, именно приграничное положение с другими государствами является фактором, позволяющим интерпретировать выбор данной угрозы жителями именно этих регионов. Так, по оценкам населения Ставропольского края и Республики Бурятия, терроризм занимает третье место в рейтинге угроз безопасности российского общества; Калининградской области – четвертое; Алтайского края – пятое место. К угрозам социально-политического характера относится и угроза вооруженных конфликтов на территории России, отмеченная среди первостепенных (3–5-й рейтинг) жителями всех регионов, кроме Калининградской области, что обусловлено, на наш взгляд, особенностями ее географического положения – отсутствие сопредельных границ с другими регионами Российской Федерации, территориальная обособленность не позволяют респондентам проецировать «общероссийские» проблемы на уровень «удаленного» региона.

Социально-экономические угрозы безопасности – социальное расслоение общества – определены в оценках жителей Новосибирской и Калининградской областей на третье место, Ставропольского края – на четвертое. При этом в менее благополучном в экономическом отношении Алтайском крае проблема поляризации общества не вошла в пятерку вызовов социальной безопасности государства – более значимыми проблемами, по мнению жителей, являются демографические вызовы: низкая продолжительность жизни и высокая смертность населения. Производные от социально-экономических и политических проблемы моральной и нравственной деградации, в частности рост преступности, вышли в пятерку «лидеров» среди угроз государству в Красноярском крае, Новосибирской области и Республике Бурятия. В силу особенностей промышленной специализации Красноярского края пятое место в рейтинге угроз безопасности, по оценкам жителей, занимают техногенные риски.

Близкая к вышеназванной оценка масштабов угроз получена в ответах на вопрос о том, какие проблемы наиболее актуальны для региона. В отличие от общегосударственных угроз, на региональном уровне практически все первые места в рейтинге оценок населения занимают социально-экономические проблемы, связанные с ростом цен, безработицей, низким уровнем зарплаты, жилищными проблемами и низким уровнем жизни населения в целом. Очевидно, что по мере перехода от социетального уровня к региональному происходит абстрагирование от глобальных, общестрановых угроз к насущным, злободневным проблемам, которые представляют угрозу личной безопасности и касаются повседневных практик индивидов.

Важный индикатор социальной безопасности – самооценка безопасности, ощущение себя в безопасности, составляющее основу деятельности индивидов по выявлению, предупреждению, ослаблению, устранению и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый ущерб, закрыть путь для выживания и развития.

В этой связи оценивалась динамика угроз индивидуально-личностной безопасности. Восприятие угроз на индивидуально-личностном уровне определяется субъективным ощущением степени собственной безопасности и уязвимости. По результатам проведенного исследования можно выделить три примерно одинаковые группы населения, которые либо ощущают себя в безопасности, либо не ощущают, либо находятся в состоянии неопределенности (с одной стороны, в безопасности, с другой – нет). В четырех из шести регионов (Алтайском крае, Калининградской области, Новосибирской области, Республике Бурятия) ситуация похожая: субъективная степень безопасности

в оценках населения снижается от ощущения безопасности через состояние неопределенности к ощущению небезопасности. Два региона выделяются на фоне остальных: в Красноярском крае большую по численности группу (43,5%) составили респонденты, находящиеся в промежуточном состоянии безопасности, а в Ставропольском крае более трети респондентов (32,3%) вообще не ощущают себя в безопасности – таких на 5% больше, чем неопределенных (значимость различий по критерию $\chi^2 = 0,0001$). В Калининградской области ситуация немного иная, но в целом также выявлены статистически значимые различия в количестве чувствующих себя в небезопасности по сравнению с другими регионами, что, на наш взгляд, также обусловлено особенностями географического положения региона.

О состоянии личной безопасности можно судить и по оценке степени защищенности от угроз, формирующихся на уровне личных восприятий. Результаты исследования показали, что население нашей страны в качестве наиболее опасных для себя считает источники внешних угроз, исходящих от социальной среды, продуцирующей все новые и новые опасности. Эти угрозы нельзя контролировать своими собственными действиями и поступками, а значит, от них невозможно чувствовать себя защищенным. Так, большинство опрошенных из всех регионов менее всего защищены от нарушения прав, бедности, конфликтов, различных инфекционных заболеваний, преступности, экологических проблем, моральных угроз, недостоверной информации. Эти проблемы связываются в сознании населения с внешней средой. Те угрозы, источником которых могут выступать собственные действия и поступки (с ними респонденты связали физические угрозы и наркоманию), являются саморегулируемыми, соответственно, не вызывают чувства опасения.

Косвенную оценку личной безопасности и защищенности можно получить на основе оценки внутреннего состояния индивида. На момент опроса большинство респондентов находились в эмоционально позитивном состоянии: чувствовали себя относительно нормально, были настроены оптимистично в отношении собственного будущего, испытывали подъем душевных и физических сил. Удивительно, что наибольшее число таких респондентов (74,8%) зафиксировано в Ставропольском крае, характеризующемся наличием многочисленных конфликтов на почве межнациональной неприязни и оценками данных угроз в рейтинге региональных проблем. Причем по ранее описанным показателям именно жители Ставрополя отмечали наименьшую степень безопасности в сравнении с другими регионами.

Во вторую группу эмоционально нейтральных попали люди, испытывающие равнодушное состояние и небольшую неуверенность в будущем. Третья, самая

немногочисленная группа, объединила в себе тех, кто отличался явными негативно окрашенными характеристиками собственного состояния: в их оценках преобладали чувства опасности и страха, безысходности, сильного эмоционального напряжения и раздражения.

Общую характеристику индивидуально-личностной безопасности дополняют и оценки удовлетворенности различными сторонами жизни – материальным положением, работой, заработной платой, жилищными условиями, семейными отношениями, условиями быта, взаимоотношениями с коллегами и начальством, детьми и родителями и др. На наш взгляд, анализ этих показателей в контексте оценки личностной безопасности немного затруднителен в связи с тем, что практически единственным источником неудовлетворенности, по ответам респондентов, является заработная плата. Все остальные показатели получили высокие или средние баллы по шкале удовлетворенности. Это немного противоречит ранее описанным фактам, особенно субъективной оценке степени личной безопасности.

С учетом всего вышесказанного мы попытались объективизировать субъективные оценки населения, имеющиеся по каждому отдельному критерию безопасности и защищенности, на основе расчета интегрального показателя безопасности на индивидуально-личностном уровне. Далее для выявления региональной специфики были произведены множественные сравнения этого интегрального показателя среди различных социально-демографических групп.

Для построения интегрального показателя личной безопасности (ИПЛБ) мы использовали три индикатора личной безопасности, рассмотренные выше: субъективную оценку собственной безопасности по самоощущениям, оценку степени личной защищенности от угроз, степень индивидуального оптимизма. В итоге ИПЛБ объединяет выбор следующих значений переменных: «ощущаю себя в безопасности» (показатель субъективной оценки собственной безопасности по самоощущениям), «полностью и скорее защищен» (по всем 10 позициям показателя оценки степени личной защищенности от угроз), «эмоционально позитивная оценка собственного состояния» (показатель степени индивидуального оптимизма).

Количество респондентов, удовлетворяющих исключительно всем параметрам интегрального показателя, составило 2,4% от общей выборки. Таким образом, на основании субъективных оценок респондентов мы можем с определенной долей объективности предположить, что лишь незначительный процент опрошенных находится в состоянии безопасности – это прежде всего те, кто одновременно на уровне личных восприятий ощущает себя в безопасности, чувствует себя защищенным от десяти представленных угроз и характеризуется эмоционально позитивным состоянием.

Исследуя состав населения, «находящегося в безопасности», в региональном разрезе, мы обнаружили интересный факт: 35% от общей численности респондентов данной группы составляют жители Калининградской области, не отличающейся по отдельным показателям высокими баллами. В то же время «полный набор» ИПЛБ сосредоточен у респондентов именно в этом регионе. На втором месте по численному составу рассматриваемой группы стоит Новосибирская область (18,4%), на третьем – Алтайский край (17,5%). Самым менее представленным по численности «благополучной» по интегральному показателю группы регионом является Красноярский край, отличающийся от прочих регионов заметным ростом объемов промышленного производства и инвестиций в последние годы, что, однако, не позволяет его населению чувствовать себя в безопасности.

Для выявления региональной специфики были произведены множественные сравнения по ИПЛБ среди различных социально-демографических групп.

Сравнение по возрастным группам показало отсутствие значимых различий в состоянии личной безопасности не только в общей выборке, но и отдельно по всем регионам. Однако стоит отметить, что в Алтайском крае были выявлены статистически значимые различия относительно среднего возраста в группах «безопасных» и «небезопасных». Так, средний возраст в группе «находящихся в безопасности» составляет 26 лет, в противоположной группе – 32 года. То есть в целом по мере взросления наблюдается тенденция снижения чувства безопасности и появления ощущения небезопасности (t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$).

В контексте анализа восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности важно провести сравнения по ИПЛБ не только среди различных социально-демографических групп, но и среди тех групп, которые отличаются разной степенью беспокойства и восприятия собственного риска. С помощью критерия Манна – Уитни были выявлены статистически значимые различия ($p < 0,05$) в степени беспокойства у групп, находящихся по ИПЛБ на разных ее полюсах: более обеспокоенные невозможностью обеспечить себе все необходимое для нормального существования являются одновременно и менее «безопасными», т.е. степень личной безопасности у них намного ниже, а вот ощущение угроз на уровне личного восприятия заметно повышается.

В научной литературе неоднократно доказано, что антиподом понятия «безопасность» выступает термин «риск». Результаты нашего исследования еще раз подтверждают данное положение. Было выявлено, что существует, хоть и небольшая, обратная корреляция между субъективным ощущением степени собственной безопасности и оценкой степени субъективного риска: чем в большей безопасности по уровню личного восприятия находится индивид, тем ниже он

оценивает степень собственного риска (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,01$). Такая же ситуация отмечается и в отношении ИПЛБ: статистически значимо в группу «находящихся в безопасности» попадают респонденты, которые по самооценкам менее рискуют и не допускают существование рисков в жизни (критерий Манна – Уитни, $p < 0,05$), что свидетельствует о недостаточной риск-рефлексии в отдельных социальных группах.

Анализ ответов на вопрос: «Оцените, Вы в целом рискуете в своей жизни?» – показал значимые региональные отличия субъективных оценок собственного риска. Так, среди рискующих выделяются жители Алтайского и Красноярского краев (31,4 и 30% соответственно), а в категории нерискующих заметно отличие оценок респондентов Калининградской и Новосибирской областей (58,7 и 55,3% соответственно). Вместе с тем в структуре общей выборки 49% опрошенных отметили вариант ответа «не рискую».

Сравнение по возрастным группам показало отсутствие значимых различий в оценке собственного риска не только в общей выборке, но и отдельно по всем регионам. Гендерные различия в самооценке собственного риска значимы лишь в трех регионах – Красноярском крае, Новосибирской области и Ставропольском крае: статистически значимо мужчины рискуют больше, чем женщины (критерий Манна – Уитни, $p < 0,05$).

Важным критерием объективной оценки личной и социальной безопасности является показатель риск-рефлексии, складывающийся из нескольких параметров: оценки угроз на социальном, социально-групповом и индивидуально-личностном уровнях, интегрального показателя личной безопасности, субъективной оценки собственного риска, интегральных показателей степени риска и воспроизводства риска, а также оценки допустимости рисков в общественной жизни.

Выявлены значимые региональные различия в оценках допустимости риска: жители Калининградской и Новосибирской областей (44,4 и 44,7% соответственно) отмечают недопустимость рисков в жизни человека и общества. Почти столько же, а именно 44,5% респондентов Алтайского края, 48,8% – Республики Бурятия и 48,6% – Ставропольского края, допускают наличие рисков при определенных условиях.

Дальнейшая оценка состояния защищенности от угроз, формирующихся на уровне личных восприятий, и анализ риск-рефлексии как критерия объективной оценки личной и социальной безопасности должны строиться на интегральных показателях степени риска и воспроизводства риска.

Таким образом, проведенный анализ субъективных оценок личной и социальной безопасности позволил выявить региональные особенности

восприятия риска у различных социальных групп, социальную детерминацию этого восприятия, его вза-

имообусловленность рискованными поведенческими стратегиями и самоощущением безопасности.

Библиографический список

1. Зубков В.И. Социологическая теория риска : монография. – М., 2003.
2. Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. Социальные риски и угрозы безопасности: повседневные практики на рынке труда // Вестник Омского университета. Серия : Социология. – 2010. – №1/2.
3. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. и др. Современные реалии социальной безопасности регионального социума // Известия АлтГУ. – 2010. – №2/1.
4. Гришаев В.В. Риск и общество: дискуссия о понятии риска. – М., 2002.
5. Максимова С.Г., Федорова О.И., Гончарова Н.П. и др. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы : монография / под общ. ред. С.Г. Максимовой. – Барнаул, 2009.
6. Platt L., Maximova S. Measuring risk of HIV and HCV among injecting drug users in the Russian Federation // European Journal of Public Health, EJPH-2008-09-OM-0407
7. Bobrova N., Rhodes T., Maksimova S. et al. Barriers to accessing drug treatment in Russia: a qualitative study among injecting drug users in two cities // Drug and alcohol dependence. An International Journal on Biomedical and Psychosocial Approaches/ Vol. 82 (2006)/ Supplement 1, April 2006.